

Кн. нд. 1893, июль с. 83-215

Кн. нд. № 6 "издательство 1893" (издательство 1893)

М. О. Меньшиков. Литературная хворь. - В кн.:

М. О. Меньшиков. Критич. очерки. СПб, 1899.
с. 119-154 (107-118)

мас. № 112

Кн. нд. 1893, июль

147

ср. нд. "Кн. нд."

206
это будет побѣдою «воли» надъ «представленіемъ», низшаго начала надъ высшимъ и т. д., — не мудрствуя лукаво, родъ людской хочетъ жить, и мнѣ кажется, слѣдуетъ снизойти къ его скромному желанію, и даже слѣдуетъ украсить цвѣтами эту, какъ думаютъ пессимисты, безконечную похоронную процессію человѣчества — его мимолетную жизнь земную.

Философскій пессимизмъ — отрицаніе жизни — отразился на литературѣ и искусствѣ весьма печально. Изъ этого источника, которому предшествовалъ скептицизмъ послѣднихъ столѣтій, выросли въ сущности всѣ литературныя хвори и самая крупная изъ нихъ, которую можно назвать иронической школой, аналитической, обличительной. Эта школа восторжествовала, съ паденіемъ романтизма, хотя первымъ ея блестящимъ дебютомъ слѣдуетъ считать «Донъ-Кихота», и еще ранѣе — романъ Петронія. Въ нашемъ вѣкѣ эта школа упрочилась и господствуетъ вотъ уже второе пятидесятилѣтіе. Она воюетъ съ декадентствомъ, не подозревая, что сама составляетъ одну изъ его разновидностей. Если основная черта декаданса — неестественность, то она же характеризуетъ и ироническую школу. Въ качествѣ сатиры эта школа постоянно сбивается на карикатуру, т. е. въ искаженіе не только идеала, но и дѣйствительности, какъ она есть. Карикатуру можно назвать отрицательнымъ идеаломъ — и что же это такое какъ не декадансъ, хотя бы еще въ не полной фазѣ разложенія? Обличительная школа въ погонѣ за правдой жизни именно эту-то правду и потеряла. Поэты и беллетристы этого душевнаго склада пишутъ или въ озлобленно-бравурномъ, или въ негодующе-минорномъ тонѣ. Съ особенной радостью они останавливаются на уродливыхъ явленіяхъ жизни, привязываютъ къ нимъ вниманіе читателя, бережно списываютъ всѣ нравственныя бородавки, прыщики, шишки и искривленія человѣка, выворачиваютъ его грязное бѣлье, скрытыя раны подъ бѣлемъ, раздвигаютъ края ранъ и любятъ

дикимъ мясомъ въ нихъ, а если находятъ червей, то тѣмъ превосходятъ. При этомъ одни (юмористы) ехидно подсмѣиваются, издѣваются надъ пойманнымъ уродецъ, ставятъ его въ глупыя и неприличныя позы; другіе (сатирики) озлобленно смѣются и дразнятъ его, чествуютъ и позорятъ; третьи (натуралисты) смотрятъ на него съ мрачной укоризной и не прочь прочесть бѣдняку проповѣдь: «Свинья, братъ, ты! Образа человѣческаго въ тебѣ нѣтъ» и т. п.

В Книжках — без раздела VIII.

207 (Всѣ отгѣнки пессимистической школы имѣли своихъ выдающихся и даже великихъ представителей. Всѣ они имѣли громкій, побѣждающій успѣхъ и всѣ признаны вполне законными, здоровыми и даже единственно здоровыми видами словесности. Я-же позволяю себѣ думать, что это—больныя и стало-быть незаконныя формы искусства, что онѣ сродни декадентству. Побѣждающій успѣхъ и общепризнанность на протяженіи нѣсколькихъ десятилѣтій ровно ничего не доказываютъ, или говорятъ даже не въ пользу обличительной школы: для писателя или для писателей понравиться сразу большой толпѣ современниковъ признакъ плохой, это значитъ подойти къ посредственному вкусу большинства. Истинность той или иной школы въ искусствѣ должна выдержать испытаніе вѣковъ: наиболѣе великія произведенія толпѣ обыкновенно вовсе не нравятся и признаются великими спустя много времени, да и то лишь со словъ болѣе интеллигентныхъ цѣнителей. Выдержать-ли господствующая обличительная школа испытаніе вѣковъ—большой вопросъ.

Изъ живыхъ представителей обличительнаго жанра у насъ самый крупный А. П. Чеховъ, изящный и сильный талантъ котораго составляетъ гордость Россіи. Такъ-какъ я цѣню очень высоко его замѣчательное дарованіе, то

208. тѣмъ грустиѣ видѣть его на несовсѣмъ вѣрномъ пути. Г. Чеховъ просто мучить русскихъ читателей. Напечатаетъ онъ маленькій рассказъ—перлъ, полный тонкой и высокой красоты,—читатели въ восторгѣ и раздражены желаніемъ большого такого-же рассказа,—а г. Чеховъ въ отвѣтъ напечатаетъ дѣйствительно большой, но вялый рассказъ. Читатели въ досадѣ. И малые, и большіе рассказы посвящены неизмѣнно одной мысли: показать, до какой степени дрянень и дряблъ современный русскій интеллигентъ. Изъ подъ творческаго пера родятся одинъ за другимъ пошленькіе, слабенькіе, дрянненькіе герои безъ малѣйшихъ признаковъ какого-либо героизма. Въ маленькомъ рассказѣ-перлѣ, уже по размѣрамъ его, можно помѣстить только одного дрянненькаго, и онъ, въ сіяніи солнца и торжествующей природы, кажется не такимъ несчастнымъ, его можно любить, на него можно надѣяться и хоть немножко вѣрить въ него. Но въ длинномъ, вяломъ рассказѣ, гдѣ природа отходитъ на второй планъ, гдѣ выступаетъ сложная интрига, появляется сразу цѣлая толпа пошляковъ, и вамъ дѣлается тошно. Надо быть ужъ очень благополучнымъ, чтобы прочесть длинный рассказъ г. Чехова и вынести пріятное чувство. Но, можетъ быть, авторъ вовсе и не задается цѣлью вызывать пріятное настроеніе? Можетъ быть, онъ умышленно старается вызвать въ читателѣ мучительныя чувства, болѣзненные, нестыязчивые вопросы? Если это такъ, то нужно спросить—зачѣмъ это продолжается. Если для пробужденія читателя, то это цѣль благая, но я сомнѣваюсь, чтобы она была достигнута этимъ путемъ. У художника слишкомъ могучія средства, чтобы выдержать при мучительной операціи съ читателемъ необходимую осторожность, полезную норму дѣйствія, перейдя которую мученіе дѣлается уже вреднымъ. «Мы ослабѣли, мы опустили, говорить герой одного рассказа г. Чехова,—мы пали, наконецъ. Наше поколѣніе всплошную состоитъ изъ неврастениковъ и ны-

209. тиковъ; мы только и знаемъ, что толкуемъ объ усталости и переутомленіи...» «Мы слишкомъ мелки, чтобы отъ нашего произвола могла зависѣть судьба нашего поколѣнія...» «Мы неврастеники, кисляи, отступники», повторяетъ онъ. «Нашему поколѣнію—крышка», подчеркиваетъ онъ энергично свое отчаяніе. Какъ капля точитъ камень, г. Чеховъ точитъ русское общество внушеніями, что оно ни на что не годится, что оно сгнило до корня. Средства у г. Чехова большія: сила таланта, глубокая вдумчивость и знаніе русскаго человѣка. Если онъ задается цѣлью внушить что-либо обществу, то онъ въ состояніи это выполнить. Но предположимъ, что его за-вѣтное желаніе исполнилось, внушеніе подѣйствовало,—всѣ теперешніе интеллигенты убѣдились насквозь въ своей негодности. Я желалъ-бы знать, что послѣдуетъ дальше. Подъемъ духа, вы полагаете? Приливъ энергій? Проясненіе совѣсти? Конечно, нѣтъ! Это противорѣчило-бы самой элементарной психологіи. Человѣкъ, которому доказали, что онъ безнадежно погибъ, что ему—«крышка»,—дѣйствительно погибъ, и какъ завороченный въ гипнозъ, онъ уже не можетъ подняться. Въдѣ убѣжденіе въ чемъ-нибудь есть уже первая половина дѣйствія, и даже все дѣйствіе въ своемъ зачатіи. Общество наше, конечно, одержимо многими и опасными болѣзнями и должно знать это; но представьте себѣ, что у постели не совсѣмъ здороваго человѣка явились серьезныя физіономіи да еще докторовъ, да еще знаменитыхъ докторовъ, каждое слово которыхъ—голосъ оракула; представьте что этому человѣку начинаютъ говорить: «Что съ вами? Эге, дѣло-то плохо. Давайте-ка я васъ послушаю... Хм!.. Неладно,—тифъ, или воспаленіе легкихъ, а не то и оба вмѣстѣ». Подобными разговорами можно сразу раздуть искру болѣзни въ цѣлый пожаръ, чему существуютъ безчисленные примѣры. Бывали случаи смерти отъ внушенія—вспомните смерть Климента V и Филиппа. Несомнѣнно то-же самое и

Упрямъ в
отъ 20
Чеховъ только
внушаетъ мысли
о негодности, 20
ипоча, но
никогда не
убѣждаетъ.
Ср. стр 156

въ области болѣе широкаго внушенія — литературнаго. Настойчивыя утвержденія пессимистовъ безповоротно убѣждаютъ толпу—существо, находящееся какъ-бы въ вѣчномъ трансѣ—въ ея безсиліи и ничтожествѣ. 210. Художники полагаютъ, что непрерывнымъ обличеніемъ они доведутъ общество до раскаянія, за которымъ, если оно искренно, слѣдуетъ обыкновенно подъемъ духа. Но у раскаянія совсѣмъ иная психологія. Раскаяніе невозможно безъ надежды, т.-е. безъ увѣренности, что еще не совсѣмъ погрязъ, что еще есть силы бороться съ грѣхомъ. Только такое раскаяніе искренно, не лицемерно, и только такое благотворно. Кто отчаялся, тому уже поздно каяться: послѣдняя ступень его паденія становится для него нормальной и даже удовлетворительной; несчастный на днѣ отчаянія почерпаетъ спокойствіе. Посмотрите, какъ спокойны бездомные бродяги, закоренѣлые пьяницы, профессиональные воры и проститутки и т. п. Это спокойствіе людей какъ-бы умершихъ для прежней, высшей жизни, потерявшихъ и тѣнь надежды къ возврату въ нее. Вотъ почему въ практикѣ христіанскихъ подвижниковъ, какъ и у стоиковъ, отчаяніе считалось однимъ изъ смертныхъ грѣховъ и кощунствомъ передъ Богомъ. У Ефрема Сирина духъ унынія стоитъ вмѣстѣ съ духомъ праздности во главѣ пороковъ. Уныніе есть параличъ воли и совѣсти. Ничего нѣтъ опаснѣе такого состоянія, и поднять народъ или общество, павшее до привычки къ неуваженію себя, къ безнадежности,—ужасно трудно. Тутъ ужъ потребуется совсѣмъ иное, великое внушеніе, потребуется громкій голосъ разслабленному: встань, возьми одръ свой и иди! Ты вовсе не разслабленный, ты здоровъ!

IX

Что наитіе духа таланта~~ми~~ людей на общество дѣйствуетъ нестранимо, каково-бы оно ни было, хо-

см 2
 211. роее или дурное, это общеизвѣстно,—на этомъ дер-
 жится вся исторія, и способъ этого наитія есть подра-
 жаніе. Наши молодые беллетристы оказали-бы себѣ
 большую услугу, еслибы внимательно изучили книгу
 Тарда о подражаніи. Это—книга секретовъ вліять на
 общество. Нетолько отдѣльныя, незначительныя поколѣ-
 нія, но цѣлыя народы и группы народовъ бывали заво-
 рожены какою-нибудь одной идеей, однимъ созерцаемъ.
 Привязывая вниманіе народовъ къ блестящимъ точкамъ
 человѣчества—Цезарю, Александру Великому, Наполеону
 и пр., удавалось погружать его надолго въ настоящій
 гипнозъ. Литература, именно изящная, дасть для созер-
 цанія читателей подобныя блестящія точки—типы ге-
 роевъ, людей совершенныхъ. Если эти типы нарисова-
 ны творческою рукою, они жизненны и дѣйствуютъ
 какъ живые, все равно—хорошіе это типы, или дурные.
 Вертеръ, изображенный Гете, вызвалъ къ жизни цѣлыя
 тысячи живыхъ Вертеровъ; Чайльд-Гарольдъ и Печо-
 ринъ наплодили поколѣнія себѣ подобныхъ. Надутость
 и напыщенность нашихъ псевдо-классиковъ, приторная
 чувствительность сантименталистовъ, разочарованность
 байронистовъ, злобная иронія гоголевской школы, все
 это очень быстро, почти сряду-же по проникновеніи
 книгъ въ толпу, вызывало безчисленные живые слѣпки
 съ модныхъ героев: появлялись даже въ уѣздныхъ
 захолустьяхъ бѣдныя Лизы, Амалать-беки, Глинскіе,
 Милославскіе, Вадимы, Онѣгины, Чацкіе и пр. и пр. И
 особенно устойчивы модныя настроенія отрипательныя.
 До сихъ поръ еще, напримѣръ, въ среднемъ кругу
 и ниже донашивается пустѣйшая мода на иронію, на
 колкое остроуміе, на саркастическій тонъ; о чемъ-бы вы
 ни заговорили съ одержимымъ этою модой, онъ дѣлаетъ
 видъ, что не принимаетъ этого серьезно; насмѣшка кри-
 вить его губы, языкъ ишетъ желчнаго каламбура, остра-
 го словца и, не находя ихъ, раздражается какою-нибудь
 рѣзкостью, парадоксомъ, а то и прямо грубостью. Раз-

2
 ✓ к. 1

говаривать съ такимъ человѣкомъ, иногда хорошимъ по природѣ, ужасно тяжело: ни словечка у него не выхолить безъ ужимки, ни одной мысли искренней. Вы можете на него даже обидѣться, хотя слѣдуетъ пожалѣть его: это—жертва старой литературной моды, уродливаго стиля эпохи отрицанія и обличенія. Помимо его сознанія, онъ настроенъ на извѣстную тональность и выйти изъ нея ему не легко: потребуется «настройщикъ изъ Петербурга». Для всѣхъ очевидно, что люди одѣваются по модѣ, но хотя менѣе очевидно, но столь-же вѣрно, что и душу свою людская масса одѣваетъ по модѣ-же; подобно *articles de Paris* или вѣнской мебели, англійскимъ смокигамъ и вздутымъ рукавамъ, вывозятся изъ за-границы и изъ столицъ въ провинцію модныя идеи, фасоны мысли и даже фасоны чувствъ и вкусовъ. Особенно печальнаго въ этомъ нѣтъ, разъ это уже неотъемлемое свойство средняго человѣка; но нужно стараться, чтобы изъ центровъ культуры подавалась хорошая мода, а не дурная, чтобы фасонъ мысли былъ естественъ и красивъ, чтобы не было стѣсняющихъ дыханіе мысли корсетовъ, неприличныхъ обнаженностей, безвкусной пестроты.

Беллетристъ—присяжный *arbiter elegantiarum* духа своего времени; владѣть-ли онъ тонкимъ и высокимъ вкусомъ, или неуклюжимъ и бѣднымъ воображеніемъ, это сейчасъ-же отражается на толпѣ. Художникъ, какъ человѣкъ тонко-впечатлительный, удавливаетъ новый типъ еще въ предчувствіи, иногда задолго до его упроченія въ обществѣ; онъ беретъ еще его зародышъ, который, можетъ-быть, въ обществѣ и не развился-бы, и уже самъ даетъ ему силою творчества законченный образъ. Общество, конечно, предрасположено къ развитію даннаго типа, но оно предрасположено обыкновенно къ многимъ возможностямъ одновременно. Талантливый писатель, которому доступны откровенія всѣхъ культуръ и цивилизацій, вся роскошь человѣче-

B. kn. nadj-naf

X.

213.

Искусство, чтобы помочь обществу въ величайшей задаче времени—въ созданиі новой культуры, опредѣленнаго духовнаго уклада, должно отказаться отъ ложнаго теперешняго принципа—быть отзывчивымъ на все безъ разбора: «реветъ-ли звѣрь въ лѣсу глухомъ, трубитъ-ли рогъ, гремитъ-ли громъ». Поэтъ, какъ живое зрѣніе и живой слухъ природы, не можетъ, конечно, не видѣть и не слышать тѣхъ или иныхъ вещей, но

- как живая совесть той-же природы, онъ можетъ тѣ или инныя вещи оставлять безъ вниманія, не давать имъ дальнѣйшей жизни, поскольку отъ него зависитъ. Искусству конца вѣка недостаетъ нравственнаго сознанія, недостаетъ взвѣшеннаго рѣшенія — что слѣдуетъ поддержать и чѣмъ пренебречь. Недостаетъ пониманія того, что литература и не въ силахъ охватывать всѣ на строенія, всѣ вѣянія въ обществѣ, больныя и здоровыя. Литература никогда не исчерпывала всѣхъ общественныхъ явленій и типовъ, всѣхъ зачаточныхъ и неудавшихся формъ, да и не въ состояніи это сдѣлать: вѣдь ихъ несмѣтное множество. Въ громадномъ бассейнѣ народной жизни кишатъ непрерывно творческія и разрушительныя силы, вступая въ безконечныя сочетанія. Великое множество рѣдкихъ и странныхъ характеровъ, нравовъ, оттѣнковъ исчезло навсегда и исчезаетъ поминутно; нарождаются и умираютъ постоянно новыя радости и печали—гдѣ тутъ услѣдить за всѣмъ? Да и зачѣмъ это? Въ томъ, что погибло, многое заслуживало-бы сохраненія въ искусствѣ, и жаль, что оно не уцѣлѣло, но большинство формъ, характеровъ, разновидностей не стоили вниманія. Это неудавшіеся наброски природы, larvis'y ея, ошибки и недодѣлки. Это—хламъ, который не стоитъ даже регистрировать: какъ отъ сора въ жилищѣ, отъ иныхъ явленій духа слѣдуетъ освобождаться возможно поспѣшнѣе, выметая навсегда изъ своей памяти.
214. Оставаться въ сознаніи, какъ и въ жилищѣ, должно только пригодное, удачное, прочное, изящное, и чѣмъ больше вниманіе общества занято совершенными формами, тѣмъ болѣе эти формы становятся его собственностью, органическою частью духа. Талантливый художникъ, прежде чѣмъ создать свою вещь, дѣлаетъ множество эскизовъ, и въ самой работѣ каждый ударъ рѣзца, каждое движеніе кисти мѣняютъ вещь. Какой интересъ было-бы сохранять каждое изъ безчисленныхъ приближеній и попытокъ ихъ? Довольствуются вещью окончен-

< >
"Кн. нед-
нуж."

Визиръ > в "Кн. недѣл" было: "Зависо игра броситъ
художн. манеру, введенную у насъ Гоголемъ, которая в
отбросилъ тизомъ, средн. человекъ хлама, первобытны
ожидавшихъ духъ, изувеченныхъ и изуродованных."

ной, такъ какъ въ нее вложено все лучшее и отнято все худшее, что возможно. Въ художественномъ отраженіи жизни нужно держаться того-же правила: воссоздавать не все, а лишь значительное и достойное нравственнаго вниманія. Не думайте, что его нѣтъ: прекрасное неисчерпаемо, и отъ насъ зависитъ вызвать его къ жизни и населить имъ міръ. Остаться обществу среди уро-
 214) довъ нельзя безнаказанно: видъ уродовъ только уро-
 дуетъ; совершенствуется же и общество, и отдѣльнаго чело-
 вѣка, лишь созерпаніе совершенства, общеніе съ нимъ. Та черта, которую излюбилъ и «возвелъ въ паѳосъ» г. Чеховъ (и менѣе талантливые его товарищи)—черта дряблости и безволія русскаго челоѣка—несомнѣнно существуетъ, но не заслуживаетъ ни закрѣпленія, ни увѣковѣченія. Еслибъ эта черта сейчасъ исчезла, самъ г. Чеховъ первый ^{бы непремѣнно} былъ-бы очень радъ, а между тѣмъ онъ дѣ-
 лаетъ все, чтобы задержать ея исчезновеніе. Онъ выпу-
 скаетъ одного за другимъ дряблыхъ героев и натворилъ ихъ уже легіонъ, напрягая свой геній, чтобы этимъ фик-
 ціямъ вдохнуть жизнь, заставить ихъ войти въ интимное общество читателя, въ кругъ его семьи, къ домашнему очагу. Будь г. Чеховъ бездарный авторъ, эти фигурки были-бы безжизненны: совершенно безвредно, подобно фарфоровымъ китайчикамъ на этажеркѣ, они кивали-бы головками, никого не смущая. Но, къ несчастію для даннаго случая, г. Чеховъ большой талантъ, и его ге-
 215) рои не игрушки, не куклы: ихъ нельзя выселить изъ своей памяти, и приходится поневолѣ жить съ ними, заражаясь ихъ психическою дряблостью: вліяніе среды неотразимо.

Нашей эпохѣ нужно, какъ и всякой эпохѣ, органической силы прежде всего. Необходимо, чтобы общество въ цѣ-
 ломъ и отдѣльные люди создавали около себя здоровье, красоту и счастье, а не только кривлялись въ дека-
 дансѣ, обличали да отрицали. Природа не терпитъ пу-
 215) стоты, и за отрицаемымъ сейчасъ же должно стать нѣчто

утверждаемое, иначе первое возвратится на прежнее мѣсто. Только могучимъ ростомъ положительнаго, обильнымъ рожденіемъ новыхъ и болѣе здоровыхъ явленій, нежели теперешнія, можно постепенно освободиться отъ душевной гнили и хвори. Литература можетъ сдѣлать далеко не все, но она много значитъ въ психикѣ общества: она уясняетъ, указываетъ, ставитъ примѣръ, т. е. то, что всего нужнѣе во всякомъ общественномъ прогрессѣ. Необходимо удовлетворить основному инстинкту въ обществѣ—инстинкту подражанія, которымъ строится всякая культура,—а для этого нужны не отрицательные, а положительные образцы. Необходимо для подъема жизни, чтобы въ ней присутствовали реально живые образы желательнаго, совершеннаго, идеальнаго, и если ихъ нѣтъ, то недочетъ должна возмѣстить иллюзія искусства. Такая иллюзія есть святыня, ведущая жизнь впередъ. Многіе-ли видѣли въ самой жизни образъ Мадонны? Многіе-ли встрѣчали героевъ, людей божественныхъ? Вообразите-же, что изъ нашего міра навсегда исчезли картины великихъ художниковъ, античныя статуи, величественныя храмы, грезы поэтовъ, композиторовъ и мудрецовъ. Міръ обдѣлѣнъ-бы и осиротѣлъ. Почувствовалось-бы отшествіе куда-то безцѣнныхъ, хотя и безтѣлесныхъ благъ. Но если такъ, то слѣдуетъ не только сберечь, но и увеличивать это святое одушевленіе, необходимо самимъ создавать побольше свѣта, красоты и правды и населять ими нашу мрачную жизнь. Богъ не создалъ тьмы, она была дана отъ вѣка; первое-же начало творчества: «да будетъ свѣтъ!»